Двадцать третий год Канси в династии Цин.

Мэй Ли [1] опустилась на колени на белый мрамор возле дворца Синин [2].

Она держала голову опущенной. Облака были тёмными и ожидался дождь. В слегка влажном воздухе цветы во дворе дымились.

Она сделала лёгкий вдох. Пахло очень хорошо…

Более двух лет в пустынном холодном дворце она не чувствовала аромата цветов, были только сорняки и непахнущие цветы одуванчика.

В тёплом весеннем свете ей оставалось только собирать цветки одуванчиков, сидеть на разбитых каменных ступенях перед храмом и дуть на них один за другим. Маленькие пушистые волоски цветка уносились лёгким ветром — они летели свободно, в отличие от неё.

Вот почему она не могла не смотреть на эти красочные цветы. Видя такие прекрасные вещи, она чувствовала себя странно, как будто в последний раз она видела их уже в своей прошлой жизни. Так же, как величественный Сининский дворец перед ней.

Когда она отвела глаза, то невольно увидела четырёх прекрасных женщин, стоящих перед воротами и смотрящих на неё со странным выражением. Она могла только улыбнуться им, и, как и ожидалось, они просто отвернулись.

За последние два года она уже привыкла к этому. Но, будучи объектом такого презрительного взгляда, она также научилась ценить сочувствие других.

Она поняла, что уметь принимать сочувствие на самом деле сложно, особенно во дворце. Точно так же, как когда она улыбается другим, это только заставляет их чувствовать себя некомфортно.

Она услышала тихий смех, когда женщины вышли из Сининского дворца. Тётя Юань, фрейлина вдовствующей императрицы, даже лично проводила их, демонстрируя, что эти женщины имеют исключительный статус.

Она мельком увидела дно их обуви [3], когда они проходили мимо. А потом она услышала сладкий детский голос.

— Это она убила кого-то раньше?

— Да, — грубо ответила мать девочки, прежде чем отругать её. — сначала выйди, а потом говори.

Но они не были полностью неправы. Пожилая женщина была случайно убита после того, как Мэй Ли сбила её верхом на лошади. Но это было время, когда всё имущество их семьи попало в руки её дяди [4], когда умерли её любимые отец и мать.

Она не сделала этого по каким-то незрелым причинам. Хотя не будет ошибкой сказать, что тогда она была молода и невежественна, люди, говорящие, что она должна была действовать в соответствии со своим статусом и сохранять благодать, подобны обману самой себя. Потому что она действительно была в депрессии.

Она подавила свои мысли, услышав, как тётя Юань сказала ей, что она, наконец, может стать

аудиенцией у Лао Цзузуна.

Внутри она не осмелилась поднять глаза. Добрая старушка, сидящая на раскалённой кирпичной кровати, смогла выжить в холодном дворце. Благодаря её благосклонности её наконец-то освободили.

— Мэй Ли... — Сяо Чжуан какое-то время молчала, немного задыхаясь, когда позвала её.

— Нуби [5] здесь. — она послушно ответила в соответствии с правилами.

Сяо Чжуан снова замолчала, созерцая странную девушку перед ней. Неужели это та избалованная девочка, которая не знала, как высоко небо и какова глубина земли?

— Подними голову.

— Хм. — она ответила, как была обязана.

— Ах! — Сяо Чжуан плакала, вытирая слёзы платком. Она до сих пор помнила свободолюбивую Мэй Ли, которую обожала. Но теперь Мэй Ли перед ней совсем другая. Она так необычно хорошо себя вела, что у неё разбилось сердце. — Моя маленькая Мэй Ли прекрасно выросла!

— Прекрасно? — Мэй Ли поджала уголки рта. Она знала, что это были просто слова, чтобы утешить её. Её красота давно угасла. Не говоря уже о том, как тяжело она жила в течение двух лет.

Она бессознательно посмотрела на свою левую руку, где под рукавами скрывался уродливый шрам на два дюйма выше запястья. Если почтенная женщина увидит это, будет ли она по-прежнему называть её красивой? Если бы кто-нибудь увидел это, они бы сказали, что это отвратительное зрелище.

— Тебя испугал огонь?

Сяо Чжуан снова почувствовала нарастающую печаль. Дело не в том, что она безжалостно игнорировала её последние несколько лет. Но в качестве условия для того, чтобы император не понизил её в должности как простолюдинку, она согласилась игнорировать её, пока её отправляют в холодный дворец.

Император ненавидел дух и высокомерие Мэй Ли. Он хотел, чтобы она вкусила горечь и исправила своё поведение.

Но Сяо Чжуан всё ещё чувствовала себя немного виноватой. Потому что, по правде говоря, она могла просто пойти в Храм Аннинг [6] и послать слово, чтобы не делать жизнь Мэй Ли слишком несчастной, и по её воле это было бы сделано. Но она этого не сделала. Потому что она также хотела сгладить свои острые углы, чтобы у неё было лучшее будущее.

Её семья уже потеряла свою власть. Если она останется в своей высокомерной и снисходительной натуре, как она сможет найти мужа, который будет любить её и заботиться о ней? Как ей найти родственников, которые будут её уважать и обожать? Такая тяжелая болезнь требует сильного лекарства. Хотя заставить непослушную маленькую девочку повзрослеть сложно, это может быть полезно для её будущего.

— Я заставила Лао Цзузуна [7] побеспокоиться. Мэй Ли, всё в порядке. — сказала она спокойно.

Этот огонь... Храм Аннинга окружён «Вдовьими кварталами» [8] в Запретном городе, где живут многие наложницы умерших чиновников и членов королевской семьи. Этот холодный дворец — место для наложниц, потерявших благосклонность и влияние.

Однажды ночью старая императорская наложница из другого зала встала среди ночи, чтобы зажечь благовония перед Буддой.

Из-за того, что весенний ветер был слишком сухим, занавеска рядом с ним тоже загорелась, а также загорелись другие соседние дворцы.

Она до сих пор помнит охранника [9] , который взял на себя инициативу по тушению пожара и сделал выговор внутреннему надзирателю за то, что тот разбудил его глубокой ночью. Он был новичком. Потому что в Запретном городе нет дня и ночи. Есть только одиночество и отчаяние, только боль и беспомощность. Нет даже ни одной души, которой можно было бы довериться. Они могут говорить только с Буддой.

— Это может быть скрытым благословением. Император уже издал указ. Поскольку храм Аннинга сгорел дотла и потребуется время на его восстановление, он заранее отпустит тебя домой.

— Благодарю милость Императора. — Мэй Ли осторожно ответила.

Она была слишком вежлива и вдумчива — от этого глаза Сяо Чжуань отяжелели.

— Вставай. Тебя не было дома больше двух лет. Принц Цяня, Ди Цзинсюань, будет сопровождать тебя.

Увидев, как глаза Мэй Ли слегка дёрнулись, Сяо Чжуан с сожалением остановилась и вздохнула.

— Сначала тебе нужно вернуться. Отдохнув несколько дней, возвращайся во дворец ко мне.

— Хм. — Мэй Ли ответила.

Она думала, что ничего не почувствует, когда снова услышит его имя. Но, похоже, это не так. Забавно — как она, наконец, очнулась от своего увлечения. Но почему её сердце всё ещё не притуплено?

Она сделала несколько шагов назад, прежде чем обернулась. Но Сяо Чжуан снова остановила её и сказала:

— Мэй Ли. Ты винишь в чём-то императора?

Она встала прямо и сказала без колебаний:

— Нет.

— Ох... — Сяо Чжуан посмотрела на её низко опущенную голову и опущенные длинные завитые ресницы.

— Нуби была одна в холодном дворце последние два года и только читала священные писания и поклонялась Будде. Я узнала много истин, которых я не осознавала в молодости. Нуби искренне благодарит вас и императора. Страдания Мэй Ли ничто по сравнению со старухой, которая потеряла свою жизнь. Даже если император попросит Мэй Ли заплатить своей

жизнью, Нуби будет очень благодарна за дар реинкарнации.

— Надеюсь, ты говоришь правду. — из-за двери донёсся холодный и спокойный голос Канси. Император прибыл.

Мэй Ли поспешно опустилась на колени, чтобы поклониться. Но Канси нетерпеливо остановил её.

— Встань. — он подошёл к кирпичному сиденью и сел.

Сяо Чжуан пожаловалась, что его присутствие не было объявлено. Канси только улыбнулся ей и снова посмотрел на Мэй Ли.

— Если ты действительно так думаешь, то эти два года в холодном дворце не прошли даром.

— Да. — Мэй Ли низко опустила голову.

— Возвращайся и в будущем хорошо себя веди [10].

Мэй Ли уважительно отступила, повторяя слова. «Береги себя» — этот совет она слышала много раз в жизни.

Повернувшись к двери, она увидела человека, стоящего в коридоре. Свет светил ему в спину, заливая лицо.

Она тут же опустила голову, потому что ей не нужно было присматриваться, чтобы узнать, кто это был.

Её сердце вдруг наполнилось хаосом и болью.

Она встала должным образом и сделала реверанс перед ним. Но она осознала разницу в их статусе и по правилам она должна правильно встать на колени и низко поклониться.

— Вставай. — холодно сказал он.

Она не видела его два года, но его голос стал ещё благороднее и мощнее.

Она сделала два шага назад, готовая развернуться.

— Ваша карета находится у ворот Сихуа [11].

В последние два года он редко думал о ней. А если и думал, то только потому, что чувствовал облегчение, что их помолвка разорвана.

Услышав, что её досрочно выпускают из дворца, он вспомнил всё, что произошло между ними в прошлом.

Тогда он был так зол, что накричал на неё за то, что она такая неприличная, безжалостная и несправедливая. Он даже настаивал на том, чтобы просить императора строго наказать её. До сих пор его всё ещё преследовала её бесстыдная одержимость и преследование, поэтому он сожалел, что сказал больше слов, чтобы снова не пробудить её увлечение им. Но она лишь слабо улыбнулась ему.

Его сердце дёрнулось без предупреждения. Как она может просто так улыбаться?

[1] Ее имя □□ (Мэй Ли) буквально означает «красивое стекло» — ссылка на титул.

[2] □□□ (Ci Ning Gong) – Дворец Сострадания и Спокойствия.

[3] □□□ (Hua Pen Xie) — туфли на высокой подошве, похожие на лошадиные копыта, которые носили женщины маньчжурского народа во времена династии Цин. Это также символизирует их статус.

[4] □□ (Jiujiu) – дядя по материнской линии.

[5]□□ (Нуби) — дифференциальный термин раба самого себя.

[6] □□□ (Аннинг Дайан), где содержалась Мэй Ли. Её собственный холодный дворец.

[7] На самом деле здесь используется термин □□□ (лао цзузун), что означает «предок».

[8] □□□ (Гуафу Юань) — буквально Дом Вдовы.

[9] □□□□ (Хувэй Шоулин) — начальник охраны.

[10] □□□□ (Haozi weizhi) Хорошо себя вести. Это может быть дружеский совет, когда люди просят заботиться о себе. Но это также говорится для людей, чтобы улучшить или как искреннее предупреждение. В данном случае она догадывается о добрых словах его величества, потому что часто слышала эту фразу негативно.

[11] □□□ (Сихуа Мэн) — буквально западные цветочные ворота.

http://tl.rulate.ru/book/76998/2305159